

УДК-323.2

DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-69-78

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И ЦЕННОСТИ КАК ПРЕДИКТОРЫ ПРОТЕСТНОГО УЧАСТИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ¹⁷

Ю. Е. Морева

Морева Юлия Евгеньевна, стажер-исследователь, Лаборатория сравнительных социальных исследований имени Рональда Франклина Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; аспирант, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: yuli-more@hotmail.com (ORCID: 0000-0002-3005-6991).

Аннотация

Политический протест – один из важных индикаторов наличия политического конфликта в обществе. До начала эпидемии коронавирусной инфекции во всем мире наблюдалась тенденция к увеличению уровня протестной активности. Россия не осталась в стороне от общемировой тенденции: по данным опросов, в 2019 году в России наблюдалось повышение уровня протестных настроений. Широкое распространение феномена протеста заставило исследователей, политиков и все мировое сообщество задаться вопросом о причинах протеста, о том, каковы факторы, влияющие на увеличение числа протестов. В рамках настоящей статьи изучается вопрос влияния таких факторов протестного участия, как субъективное благополучие, ценности и уровень экономического развития региона. Были проанализированы данные опроса 11 045 респондентов в 36 регионах России, проведенного в 2018 году. С помощью применения метода многоуровневой логистической регрессии к опросным данным делается вывод о том, что респонденты с постматериальными ценностями и те, кто живет в более богатых регионах, в большей мере склонны участвовать в протестах. Субъективное благополучие не имеет статистически значимой связи с участием в протестах.

Ключевые слова: политическое участие; участие в протестах; субъективное благополучие; счастье; удовлетворенность жизнью; постматериальные ценности; ценностные ориентации; ценности выживания; ценности самовыражения.

Введение

В условиях, когда окружающая действительность подвержена постоянным изменениям, протест может быть одним из ожидаемых ответов общества на эти изменения. Последние несколько лет развитие российского общества сопровождается кризисными явлениями (в частности, связанными с пандемией и конфликтом в Украине). В этом контексте исследование факторов протестного поведения россиян приобретает особую актуальность.

Ряд российских и зарубежных исследователей обращаются к изучению разного рода объективных факторов, влияющих на протест. Такие факторы (например, развитие демократии или экономическое благосостояние) непосредственно не связаны с самой личностью протестующего. В то же время для нас особый интерес представляет то, как ценностные ориентации человека и субъективная оценка собственной жизни влияют на желание принять участие в протестах. Попытка изучить протест с помощью опросных данных сопряжена с рядом трудностей, однако позволяет приблизиться к тому, чтобы взглянуть на ситуацию глазами протестующих, сохраняя при этом возможность обобщить полученные результаты на всю генеральную совокупность.

Таким образом, цель настоящего исследования – определить, как субъективное благополучие и ценностные ориентации россиян связаны с протестной активностью. Для достижения цели необходимо выполнить ряд задач, а именно: 1) определить, существует ли связь между субъективным бла-

¹⁷ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

гополучием россиян и протестной активностью, и выявить характер этой связи; 2) определить, как ценности влияют на протестную активность россиян и 3) определить, какая связь существует между социально-экономическими показателями региона Российской Федерации и протестной активностью его жителей.

Теоретические представления о протестной активности

Рассмотрим основные подходы к изучению протестов. С точки зрения теории коллективного поведения основой для протестного потенциала общества служит накопившееся социальное напряжение. В рамках данного подхода хотелось бы выделить социопсихологическое направление, представленное в теории относительной депривации. Относительная депривация определяется как «воспринимаемое индивидами расхождение между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями» (Gurr, 1970). Результатом такого расхождения является особое психологическое состояние – фрустрация, которая проявляется в актах политического насилия (Там же). Несмотря на то, что рассматриваемая теория существует уже много лет, современные исследователи продолжают развивать ее идеи и использовать их в научных работах о причинах продолжительных протестных движений в разных странах мира (Power, 2020). Фокус во многих таких исследованиях сделан на восприятии несправедливости и неравенства в обществе.

Согласно социополитической интерпретации протеста в рамках теории коллективного действия, причина протестных действий лежит в желании протестующих поменять среду, изменить конкретные социальные условия (Smelser, 1963). При этом учитывается недоверие и враждебность протестующих к власти, а также жесткий социальный контроль со стороны властей.

Теория мобилизации ресурсов концентрирует внимание на возможности мобилизации недовольства. В структуру политических возможностей включаются характеристики политической системы (степень открытости для новых акторов), общественных движений (наличие сторонников) и элит общества (Tarrow, 1994). Ряд известных политологов, таких как С. Хантингтон и С. Липсет, выделяли характеристики политической системы, а именно политический режим, как фактор, определяющий форму политического участия. Для демократий характерно добровольное, автономное участие в политической жизни, а для тоталитарных обществ – мобилизованное участие (Lipset, 1959; Huntington, 1996). Чарльз Тилли – другой теоретик «мобилизации ресурсов» – говорил о том, что в обществе всегда существует определенное количество недовольных, но для того, чтобы это недовольство вылилось в совместные коллективные действия, направленные на общественные изменения, должны быть созданы подходящие условия (Tilly, 2004). Теория мобилизации ресурсов стала ответом на протестную волну 60-х гг. XX в. Современные протесты сильно отличаются от них, сейчас исследователи говорят о роли оптимизации таких ресурсов, как социальные сети и интернет-СМИ (Abdullah, 2020).

Теория идентичности объясняет протестную активность через идентичность – представление человека о том, кто он такой, и представление других людей о нем и о себе (Jenkins, 2004). Выделяют индивидуальную и социальную идентичность. Социальная идентичность определяется через отношение человеком себя к определенной социальной категории. Несколько эмпирических работ (Stryke et al., 2000; De Weerd et al., 1999) доказало существование положительной связи между социальной идентичностью (тем, в какой степени человек ассоциирует себя с группой) и участием в протестах. Осознание себя «своим» (то есть осознание своей группой идентичности приятно протестующему, он чувствует, что действует как должно) мотивирует его повторно принимать участие в акциях протеста (van Leeuwen, 2016). В то же время осознание себя частью группы является важным элементом благополучия (Turner & Tajfel, 1986).

Эмоциональная сторона личности (то, как реагирует человек на окружающую действительность, переживает важные жизненные события) может отражаться на ее политических действиях. Эмоции являются одним из ключевых компонентов сложной каузальной модели (van Stekelenburg, 2013), объясняющей участие в коллективных действиях. Модель включает множество компонентов, например идентичность, эффективность и одобряемость протеста в обществе. Эмоции отражают восприятие себя и окружающих, социальной ситуации, самого протеста и риска, который может принести участие в протесте (Ayapan & Tausch, 2016). Среди эмоций, характерных для участников протестных акций, гнев и злость выделяют как основные (van Stekelenburg & Klandermans, 2017).

Субъективное благополучие как фактор протестной активности

Субъективное благополучие уже несколько десятилетий используется как показатель, отражающий уровень жизни людей в различных странах. Так, например, известно, что субъективное благополучие россиян значительно снизилось после кризиса, связанного с распадом Советского Союза, и продолжительное время оставалось на довольно низком уровне. Этот показатель является универсальным, хотя факторы, влияющие на него, неодинаковы в разных странах и в разное время. Например, зачастую кризисные явления снижают субъективное благополучие, однако после присоединения Крыма, несмотря на экономический упадок и введение санкций западными странами, субъективное благополучие россиян возросло. Такая динамика объясняется ростом национальной гордости.

Разберемся подробнее в том, что подразумевает под собой понятие «субъективное благополучие». Рональд Инглхарт определял субъективное благополучие как «суждение человека об его общем благополучии» (Inglehart, 2002). Согласно определению Динера, субъективное благополучие – это «субъективное восприятие и опыт положительных и отрицательных эмоциональных реакций и глобальных и специфических когнитивных оценок удовлетворенности жизнью» (Diener, Lucas & Oishi, 2002).

Последнее из определений позволяет нам связать субъективное благополучие и протестную активность через роль эмоций в протестных движениях, описанную выше. Кроме того, депривационные теории обладают объяснительной силой в отношении исследуемой связи: фрустрация, будучи особым психологическим состоянием, вызываемым депривацией, оказывает влияние на оценку человеком своей жизни, что, в свою очередь, может отражаться на его действиях. К тому же можно использовать теорию социальной идентичности, которая, с одной стороны, показывает сильную положительную связь между степенью идентификации себя с группой, а с другой – доказывает, что принадлежность к группе является важным элементом благополучия человека. Тем не менее было бы ошибочным на основании этой теории с уверенностью утверждать, что субъективное благополучие и протестная активность связаны положительно. Теория социального сравнения позволяет сделать вывод о том, что на субъективное благополучие влияет не столько сам факт принадлежности к какой-либо группе, сколько положение этой группы в обществе (Fujita, 2008). Таким образом, принадлежность к привилегированной значимой группе и, наоборот, идентификация себя с дискриминируемой группой могут оказывать разный эффект на субъективное благополучие. Положение протестующих в российском обществе нельзя назвать привилегированным (Lankina & Tertychnaya, 2020; Lankina & Voznaaya, 2015).

Ряд исследователей доказали связь между политическим участием и уровнем удовлетворенности жизнью. Так, эмпирически доказано, что в Латинской Америке (Weitz-Shapiro & Winters, 2010) и США (Flavin & Keane, 2011) существует каузальная связь между участием в голосованиях на демократических выборах и уровнем субъективного благополучия. Несмотря на то, что упомянутые работы описывают в основном эффект, который уровень удовлетворенности оказывает на голосование на демократических выборах, авторы отмечают, что их выводы могут быть перенесены на другие формы конвенционального политического участия, в том числе на согласованные митинги.

Р. Райн и Е. Деси в статье о взаимосвязи субъективного благополучия и политической активности утверждают, что, когда человек с помощью своих политических действий получает то, что хочет, его уровень субъективного благополучия возрастает (Ryan & Deci, 2001). В противоположном случае, как это описывают Кристофер Андерсон и соавторы, человек ощущает неудовлетворение и недовольство, которое может привести к участию в акциях протеста и бойкотах (Anderson et al., 2005). В исследовании, проведенном Дж. Лоренцини, эмпирически доказана связь уровня субъективного благополучия неработающей молодежи с участием в протестной активности (Lorenzini, 2015). К тому же была доказана положительная связь между неудовлетворенностью жизнью и участием в мирных протестах (Witte, et al., 2019).

Для описания взаимосвязи субъективного благополучия и участия в протестах можно использовать модель EVL (Exit, Voice and Loyalty – выход, голос и лояльность), разработанную А. Хиршманом. Модель объясняет, что человек или группы людей могут делать в ситуации ухудшения условий среды. Автор и его многочисленные последователи развили эту модель и применили ее к различным областям жизни – от анализа поведения покупателей определенных товаров до осмысления социополитических процессов (Clarck et al., 2017). Так, можно задаться вопросом о том, как гражданин реагирует, если государственная политика негативно скажется на его благосостоянии. Если уровень благополучия высок, то гражданин может оставаться лояльным правительству (loyalty), а если нет – выходить на протесты (voice).

Что касается научных работ, созданных на основе российских данных, то в них доказывается положительная связь между гордостью за свою страну и субъективным благополучием жителей России (Камалов и Понарин, 2020; Reeskens et al., 2011; Ponarin et al., 2018), которая ранее была доказана для других стран (Morrison et al., 2011). Если существование такой связи доказано, то можно предположить, что со снижением национальной гордости уровень субъективного благополучия снижается. В то же время если высокий уровень национальной гордости может быть связан с позитивной оценкой действий властей, то негативная оценка может снижать уровень субъективного благополучия и приводить к протесту.

Одна из категорий, раскрывающих понятие «субъективное благополучие», – удовлетворенность жизнью. В работе за авторством Гусейнова и коллег, посвященной изучению ценностных ориентаций людей, склонных к различным формам протестного поведения, авторы указывают на то, что характерные для личности со склонностью к оппозиционному поведению непонимание смысла жизни, невозможность удовлетворить потребности и осуществить жизненные задачи приводят к неудовлетворенности жизнью (Гусейнов и др., 2018). Неудовлетворенность своей жизнью определяется как значимый элемент характеристики протестующих и в других отечественных исследованиях. Кроме того, аналитики Всероссийского центра исследования общественного мнения определили основные черты социопсихологического облика участников акции протеста 12 июня 2012 г.: потребность в самореализации, высокая степень недовольства изменением ситуации в стране и в своей жизни. Самореализация является ключевой ценностью для 78 % участников акции. При этом только 46 % опрошенных в целом удовлетворены тем, как складывается их жизнь; около половины (49 %) не удовлетворены. Что касается ситуации в стране, то большая часть (64 %) участников протестной акции не удовлетворены положением дел в государстве (ВЦИОМ, 2012).

Опираясь на вышеизложенные исследования, можно сделать предположение о связи субъективного благополучия и протестной активности: чем ниже уровень субъективного благополучия личности, тем выше вероятность того, что человек будет принимать участие в протесте.

Ценностная ориентация личности как фактор протестной активности

Одной из основных теорий, на которую опирается наша статья, является концепция постматериалистических ценностей Рональда Инглхарта. Согласно его книге «Тихая революция: изменение ценностей и политических стилей среди западной общественности», постматериализм – это «ценностная ориентация, которая превозносит самовыражение и качество жизни над экономической и физической безопасностью» (Inglehart, 1977). Теория Инглхарта дает нам следующую интерпретацию ценностей: приоритеты индивида отражают социально-экономическую среду, при этом индивиды придают наибольшую субъективную ценность тем вещам, нехватку которых испытывают.

Рональд Инглхарт в своей работе об изменениях мотивации людей доказал, что в современном обществе преобладают не материальные, а постматериалистические ценности. Доминирование таких ценностей стимулирует протестную активность. Современного человека толкает на площадь не желание улучшить материальные условия своего существования, лучше удовлетворить свои потребности, а, наоборот, ключевой ценностью для него является свобода, равноправие и возможность обеспечить будущим поколениям жизнь в экологически устойчивой среде (Inglehart, 2018).

Теория постматериалистических ценностей была также продолжена и расширена К. Оппом. Он также является автором определения протеста, используемого в настоящем исследовании: «совместное (то есть коллективное) действие отдельных лиц, направленное на достижение их цели или целей путем влияния на решения цели» (Opp, 2009). К. Вельцель и Ф. Дойч также описывают роль ценностной ориентации в ненасильственном протесте (Welzel & Deutsch, 2012).

Эмпирические научные работы о протестах в разных странах подтвердили теорию Инглхарта. Например, положительная связь между участием в акциях протеста и приверженностью постматериалистическим ценностям доказана для случая этнополитического протеста валлийцев (McAllister & Mughan, 1983), американской (Booth, 2017) и турецкой (Tekinalp, 2016) экологической протестной активности, европейских политических движений (Grasso & Giugni, 2016) и протестов против экономической политики правительства в Великобритании (Henn, Oldfield, & Hart, 2018). В то же время некоторые ученые утверждали, что постматериалистические ценности могут влиять на поведение протестующих противоположным образом. Например, вывод о том, что приверженность постматериалистическим ценностям негативно влияет на протестную активность, сделан в одном из исследований, посвященных протестным движениям в Китае (Jian-Hua & Stanley, 1993).

Идеи теории постматериалистических ценностей были развиты в теории эмансипативных ценностей. Р. Инглхарт и К. Вельцель говорят о том, что демократизация порождает развитие эмансипативных ценностей (Welzel & Inglehart, 2008), которые определяются как набор ценностных ориентаций, выделяющий значимость свободы выбора, равенства возможностей и равного права граждан участвовать в определении будущего своей страны (Welzel, 2013). Теоретические выводы авторов были проверены эмпирическим исследованием, включающем анализ на основе данных 33 стран с политическим режимом, определяемым как электоральная автократия (Zavadskaya & Welzel, 2014). В указанной работе делается вывод о влиянии эмансипативных ценностей на голосование на выборах и на санкционированный ненасильственный постэлекторальный протест, что подтверждает выводы предыдущих исследований (Welzel & Deutsch, 2012). При этом приверженность эмансипативным ценностям не влияет на другие формы протеста. Более того, неудовлетворенность материальным состоянием играет значительную роль в такого рода протестах (Zavadskaya & Welzel, 2014). Эти выводы особенно интересны, так как могут быть в той или иной степени перенесены на закономерности, связанные с политическим поведением в нашей стране.

Несмотря на существующее противоречие выводов предшествующих нашему исследованию, полагаясь на концепцию Инглхарта и его последователей, а также обращая внимание на то, что большинство эмпирических исследований подтверждает эту концепцию, мы предполагаем, что люди с постматериалистическими ценностями с большей вероятностью будут принимать участие в акциях протеста, чем люди с материалистическими ценностями.

Особенности протестной активности в регионах России

Региональной специфике протеста в России посвящены многие научные работы (Люлька, 2015; Sokolov et al., 2015; Lankina & Tertytchnaya, 2020). Наличие региональной специфики не удивительно, если учесть различия в социально-экономическом развитии регионов нашей страны. В более бедных регионах протесты носят скорее экономический характер, часто бывают связаны с резким ухудшением экологической обстановки (Люлька, 2015). В центральных регионах России, таких как Москва и Санкт-Петербург, протесты чаще носят политический и правозащитный характер.

Наше предположение о положительной связи между уровнем экономического развития региона и политической активностью его жителей связано с так называемым туннельным эффектом (Hirschman et al., 1973) и выводами, сделанными на основе теории модернизации (Inglehart & Welzel, 2005). Дело в том, что улучшение экономического положения стимулирует ожидание политических и гражданских свобод. Когда это ожидание не удовлетворено, это может привести к чувству глубокого разочарования и обиды, что, в свою очередь, может мобилизовать граждан. К тому же в богатых регионах, несмотря на более высокий (в сравнении с другими регионами) средний доход, уровень неравенства между социальными группами с разным доходом осознается как более острый, что также приводит к неудовлетворенности и протестам.

Таким образом, можно предположить, что люди, проживающие в экономически развитых регионах, чаще будут участвовать в акциях протеста.

На основании предыдущих исследований можно сформулировать следующие гипотезы:

H1: Чем ниже уровень субъективного благополучия личности, тем выше вероятность того, что человек будет принимать участие в протесте.

H2: Люди с постматериалистическими ценностями с большей вероятностью будут принимать участие в акциях протеста, чем люди с материалистическими ценностями.

H3: Люди, проживающие в экономически развитых регионах, с большей вероятностью будут принимать участие в акциях протеста, чем люди, проживающие в регионах с более низким уровнем экономического развития.

Данные и метод

Эмпирической базой для работы послужили данные опроса, проведенного в 2018–2019 годах ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований). В указанной базе собраны данные о 12 039 респондентах в 38 регионах России. В нашем исследовании проанализировано 11 045 наблюдений в 36 регионах, так как данные по некоторым переменным отсутствуют по двум регионам.

Протестная активность респондентов измерялась с помощью вопроса «Сейчас я назову Вам ряд действий или мероприятий, а Вы скажете, принимали Вы в них участие за последние два года

или нет? Участие в акциях протеста, пикетах, демонстрациях». Ответ на этот вопрос мог быть «Да, принимал» либо «Нет, не принимал».

Субъективное благополучие представляет собой среднее значение переменных «удовлетворенность жизнью» и «счастье». Такой способ измерения считается более обоснованным и надежным в сравнении с использованием отдельных показателей (Inglehart et al., 2008). Удовлетворенность жизнью определяется с помощью вопроса «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?» в опроснике с использованием шкалы от 1 («Совершенно не удовлетворен») до 5 («Полностью удовлетворен»). Счастье измеряется вопросом «Говоря в целом, можете ли Вы сказать, что Вы...», подразумевающим, что респондент определит уровень счастья от 1 («Очень счастливы») до 4 («Совсем не счастливы»). Для того чтобы сделать из двух перечисленных переменных индекс субъективного благополучия, необходимо было привести их к единой шкале.

Чтобы проверить, является ценностная ориентация респондента материалистической или постматериалистической, использовался индекс постматериализма Инглхарта (Inglehart & Abramson, 1999). В нем учитываются ответы на следующие вопросы: Если бы Вы могли выбирать, что из следующего Вы назвали бы самой важной целью нашей страны на ближайшие 10 лет? А что Вы считаете следующим по важности?

- А. Поддержание порядка в стране.
- Б. Дать людям возможность больше влиять на правительство при принятии решений.
- В. Борьба с ростом цен.
- Г. Защита свободы слова.

Согласно шкале постматериализма Инглхарта была создана переменная, которая может принимать значения от 1 до 4: «материалист», «скорее материалист», «скорее постматериалист» и «постматериалист». Если респондент выбирает две постматериальные ценности: б) дать людям возможность больше влиять на правительство при принятии решений и г) защита свободы слова, он считается «постматериалистом». Если первая выбранная ценность постматериалистическая, а вторая – материалистическая: а) поддержание порядка в стране или в) борьба с ростом цен, то респондент «скорее постматериалист». Если он выбирает материалистическую ценность в качестве своего первого приоритета и постматериалистическую в качестве второго, предполагается, что он «скорее материалист». Если респондент выбирает две материальные ценности: а) поддержание порядка в стране и в) борьба с ростом цен, он считается «материалистом».

Для анализа влияния субъективного благополучия на протестную активность россиян используется метод многоуровневой бинарной логистической регрессии. Такой выбор метода обусловлен тем, что зависимая переменная является бинарной, и тем, что гипотезы подразумевают присутствие в модели предикторов двух уровней (индивидуального и регионального). Кроме того, нельзя не принимать во внимание региональную специфику протестов, которой, в силу различного социально-экономического положения регионов, нельзя пренебречь. Используется модель с рандомизированным наклоном прямой и интерцептом (random slope random intercept model).

В качестве зависимой переменной в регрессионной модели использовалось участие в акциях протеста / демонстрациях. Независимые переменные можно разделить на предикторы индивидуального и группового (регионального) уровней. К первым относится субъективное благополучие, степень приверженности материалистическим ценностям (ранговая шкала от 1 до 4) и контрольные переменные – социодемографические характеристики (пол, возраст, уровень образования (биномиальная переменная – высшее образование, среднее или среднее специальное образование), доход домохозяйства (ранговая шкала от 1 до 10)). Предиктором группового уровня является ВРП региона (в млрд руб.) на душу населения за 2018 г. Группирующей переменной для многоуровневой модели является регион проживания респондента.

Все количественные предикторы шкалированы. Анализ данных производился с помощью R и RStudio.

Результаты

Многоуровневая модель протестного поведения

Что касается доли дисперсии зависимой переменной, которая объясняется групповыми различиями, то она равняется 1 % (ICC = 0,007). Это очень низкое значение, но мы построим многоуровневую модель, так как предполагаем влияние предикторов второго уровня на зависимую переменную.

Возраст, образование, ценности человека и ВВП региона, в котором он проживает, значимо влияют на отношение шансов участия в протесте (таблица). Субъективное благополучие не оказывает статистически значимого влияния на вероятность участия в акциях протеста.

Таблица

Результаты регрессионного анализа участия в акциях протеста

№ п/п	Предиктор	Участие в акциях протеста (отношение шансов)
1	Интерсепт	0,07 ***
2	Субъективное благополучие	0,94
3	Ценностная ориентация	1,18 ***
4	ВВП региона	1,08*
5	Пол: Женский	0,98
6	Возраст	0,88***
7	Образование: Среднее	0,82**
8	Доход	1,00
<i>Примечание: *$p < 0,1$; **$p < 0,05$; ***$p < 0,01$</i>		

Так, изменение уровня приверженности материальным ценностям на одно стандартное отклонение увеличивает отношение шансов участия в протестах к неучастию на 18 %. Это означает, что приверженцы постматериалистических ценностей в большей мере склонны к протестной активности, чем люди с материалистическими ценностями.

С увеличением возраста на одно стандартное отклонение отношение шансов участия в акциях протеста снижается на 12 %. Отношение шансов участия в протесте к неучастию на 18 % ниже для участников исследования со средним образованием в сравнении с теми, у кого есть высшее образование или научная степень.

Увеличение ВВП региона на одно стандартное отклонение способствует увеличению отношения шансов участия в протесте на 8 %. Жители регионов с более высоким уровнем ВВП с большей вероятностью примут участие в протестной активности.

Что касается качества построенной модели, можно сказать, что она описывает данные плохо ($R^2 = 0,022$).

Выводы

Во-первых, проведенный анализ не показал статистически значимого влияния субъективного благополучия на протестную активность россиян. То, что уровень субъективного благополучия личности не оказывает значимого влияния на вероятность участия в протесте, противоречит не только нашим первоначальным предположениям, но и выводам предшествующих научных работ (Lorenzini, 2015; Ryan & Deci, 2001; Anderson et al., 2005). Можно предположить, что причиной такого расхождения является различие в факторах, которые формируют субъективное благополучие в разных странах. К тому же особенности политической системы могут ограничивать возможности протестного политического участия граждан. Альтернативное объяснение может быть связано с нежеланием россиян делиться информацией об участии в акциях протеста, а также с малым числом участников акций протеста. Последнее ограничение может быть преодолено в дальнейших исследованиях с помощью использования других методов статистического анализа.

Во-вторых, предположение относительно позитивной связи между приверженностью постматериалистическим ценностям и участием в акциях протеста подтвердилось. Вывод о том, что люди с постматериалистическими ценностями с большей вероятностью примут участие в акциях протеста, чем люди с материалистическими ценностями, подтверждает теоретические и эмпирические исследования на эту тему (McAllister & Mughan, 1983; Booth, 2017; Tekinalp, 2016).

В-третьих, последняя гипотеза, выдвинутая в данной работе, определяла связь между уровнем экономического развития региона и также нашла подтверждение в рамках анализа. Люди, проживающие в экономически развитых регионах, с большей вероятностью примут участие в протесте, чем те, кто живет в более бедных регионах.

Ограничения

Одним из ограничений работы является непонимание того, в какой мере выводы могут быть перенесены на неконвенциональные формы протеста. Кроме того, вопрос об участии в протестах, использовавшийся в анкете опроса, задан в формулировке, которая не позволяет узнать, в какой конкретно форме гражданского участия (протест, пикет или демонстрация) принимал участие респондент. К тому же в статье используются данные 2018 г., что осложняет применение полученных выводов к более поздним периодам, особенно с учетом кризисного контекста пандемии и вооруженного конфликта.

Другое ограничение – сенситивность и специфичность темы протеста. Не каждый человек способен честно отвечать на вопросы, связанные с участием в акциях протеста (Kuran, 1991). Особенности социополитической обстановки также могут влиять на честность респондентов. К тому же тему счастья и удовлетворенности жизнью тоже можно отнести к чувствительным.

Список литературы / References

- Гусейнов, А. Ш., Рябикина, З. И., Фоменко, Г. Ю., Шиповская, В. В. (2018) 'Феномен протестной активности личности: субъектно-бытийная интерпретация', *Российский психологический журнал*, 14 (4), сс. 78–96. [Guseynov, A. Sh., Rjabikina, Z. I., Fomenko, G. Ju., Shipovskaja, V. V. (2018) 'The phenomenon of protest activity of the individual: subjective-existential interpretation' [Fenomen protestnoj aktivnosti lichnosti: subektno-bytijnaja interpretacija], *Rossijskij psihologicheskij zhurnal*, 14 (4), pp. 78–96. (In Russ.)].
- Камалов, Э., Понарин, Э. (2020) 'Национальная гордость и субъективное благополучие россиян', *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1, сс. 177–205. [Kamalov, E., Ponarin, E. (2020) 'National pride and subjective well-being of Russians' [Nacional'naya gordost' i sub"ektivnoe blagopoluchie rossijan], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 1, pp. 177–205. (In Russ.)].
- Люлька О. Ф. (2015) 'Протестная активность в России: общенациональные тенденции и региональная специфика', *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, 4, сс. 218–226. [Lyul'ka O. F. (2015) 'Protest activity in Russia: national trends and regional specific' [Protestnaya aktivnost' v rossii: obshchenacional'nye tendencii i regional'naya specifika], *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, 4, pp. 218–226. (In Russ.)].
- Социальный портрет протестного движения в Москве (2012) *ВЦИОМ*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/soczialnyj-portret-protestnogo-dvizheniya-v-moskve> (дата обращения: 20.03.2024) [Social portrait of the protest movement in Moscow (2012) [Sotsial'nyi portret protestnogo dvizheniya v Moskve] *WCIOM*. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/soczialnyj-portret-protestnogo-dvizheniya-v-moskve> (accessed: 20.03.2024)].
- Abdullah, F. H. (2020) 'Revolution in Egypt: Political Movements and Mobilisation of Resources'. *Insight on Africa*, 12 (1), pp.7–28.
- Ayanian, A. H., & Tausch, N. (2016). 'How risk perception shapes collective action intentions in repressive contexts: A study of Egyptian activists during the 2013 post-coup uprising', *British Journal of Social Psychology*, 55 (4), pp. 700–721. DOI: 10.1111/bjso.12164
- Booth, D. (2017) 'Postmaterialism and Support for the Environment in the United States', *Society & Natural Resources*, pp. 1401–1420.
- Clark, W., Golder, M., & Golder, S. (2017) 'The British Academy Brian Barry Prize Essay: An Exit, Voice and Loyalty Model of Politics', *British Journal of Political Science*, 47 (4), pp. 719–748. DOI: 10.1017/S0007123416000442
- De Weerd, M., Klandermans, B. (1999) 'Group identification and political protest: Farmers' protest in the Netherlands. *European Journal of Social Psychology*, 29, pp. 1073–1095.
- Diener, E., Lucas, R. E., & Oishi, S. (2002) 'Subjective well-being: The science of happiness and life satisfaction'. In C. R. Snyder & S. J. Lopez (Eds.), *Handbook of positive psychology*. Oxford University Press.
- Fujita, F. (2008) 'The Frequency of Social Comparison and its Relation to Subjective'. In M. Eid & R. J. Larsen (Eds.). *The science of subjective well-being*. The Guilford Press.

- Grasso, M. T., Giugni, M. (2016) *Protest, Social Movements, and Global Democracy since 2011: New Perspectives*. Emerald Group Publishing.
- Gurr, T. (1970) *Why Men Rebel*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Henn, M., Oldfield B. and Hart J. (2018) 'Postmaterialism and young people's political participation in a time of austerity', *BJS*, pp. 712–737.
- Hirschman, A., Rothschild, M. (1973) 'The changing tolerance for income inequality in the course of economic development', *The Quarterly Journal of Economics*. 4 (84), pp. 544–566.
- Huntington, S. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.
- Inglehart, R., Abramson, P. R. (1999) 'Measuring Postmaterialism', *American Political Science Review*, 93 (3), pp. 665–677. DOI: 10.2307/2585581.
- Inglehart, R. (2018) *Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Inglehart, R. (2002) 'Gender, Aging, and Subjective Well-Being', *International Journal of Comparative Sociology*, 43 (3-5), pp. 391–408.
- Inglehart, R., Foa, R., Peterson, C., Welzel, C. (2008) 'Development, freedom, and rising happiness: A global perspective (1981–2007)', *Perspectives on Psychological Science*, 3 (4), pp. 264–28.
- Inglehart, R., Welzel, C. (2005) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge University Press.
- Inglehart, R. (1977) *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton University Press.
- Jenkins, R. (2004) *Social Identity*. Abingdon: Routledge.
- Jian-Hua, Z., Stanley, R. (1993) 'From discontent to protest: Individual-level causes of the 1989 pro-democracy movement in China', *International Journal of Public Opinion Research*, pp. 234–249.
- Kuran, T. (1991) 'The East European Revolution of 1989: Is it Surprising that We Were Surprised?', *The American Economic Review*, 2 (81).
- Lankina, T., Tertytchnaya, K. (2020) Protest in electoral autocracies: a new dataset', *Post-Soviet Affairs*, 1 (36), pp. 20–36.
- Lankina, T., Voznaya, A. (2015) 'New Data on Protest Trends in Russia's Regions', *Europe-Asia Studies*, 68 (2).
- Lipset, S. (1959) 'Some Social Requisites of Democracy', *American Political Science Review*, 1 (53).
- Lorenzini, J. (2015) 'Subjective well-being and political participation: A comparison of unemployed and employed youth', *Journal of Happiness Studies*, 16 (2), pp. 381–404.
- McAllister, I., Mughan, A. (1983) 'Values, Protest and Minority Nationalism in Wales', *British Journal of Political Science*, pp. 230–243.
- Morrison, M., Tay, L., & Diener, E. (2011) 'Subjective well-being and national satisfaction: findings from a worldwide survey', *Psychological science*, 22 (2), pp. 166–171. DOI: 10.1177/0956797610396224
- Opp, Karl-Dieter. (2009) *Theories of Political Protest and Social Movements: A Multidisciplinary Introduction, Critique, and Synthesis*. Routledge.
- Ponarin E., Komin M. (2018) 'The Russian Elite's Imperial Nationalism and the Russian Society: The Emergence of a Grand Consensus', *Sociology Compass*, 12.
- Power, S. A., Madsen, T., & Morton, T. A. (2020). 'Relative deprivation and revolt: current and future directions', *Current opinion in psychology*, 35, pp. 119–124. DOI: 10.1016/j.copsyc.2020.06.010
- Reeskens T., Wright T. (2011) 'Subjective Well-Being and National Satisfaction: Taking Seriously the "Proud of What?" Question', *Psychological Science*, 22 (11), pp. 1460–1462.
- Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2001). 'On happiness and human potentials: A review of research on hedonic and eudaimonic well-being', *Annual Review of Psychology*, 52, pp. 141–166. DOI: 10.1146/annurev.psych.52.1.141
- Smelser, N. J. (1963) *Theory of collective behavior*. The free press of Glencoe.
- Sokolov, V. A., Zagrebina, V. V. (2015) 'Social protest in the context of the Russian region', *Social'nye i gumanitarnye znania*, 2 (5).
- Stryke, S., Owens T.J., White, R.W. (2000) *Self, Identity, and Social Movements*. Minneapolis. University of Minnesota Press.
- Tarrow, S. (1994) *Power in Movement: Collective Action, Social Movements and Politics*. Cambridge University Press.
- Tekinalp, S. (2016) 'Value Priority and Humor as a Defense to Cultural Schism: Analysis of Istanbul Gezi Park Protest', *International Journal of Communication*.

- Tilly, C. (2004) *Social Movements*. Boulder: Paradigm Publishers.
- Turner J. C., Tajfel H. (1986) 'The Social Identity Theory of Intergroup Behavior'. In J. T. Jost & J. Sidanius (Eds.), *Political psychology: Key readings*.
- van Leeuwen, A., van Stekelenburg, J., Klandermans, B. (2016) 'The phenomenology of protest atmosphere: A demonstrator perspective', *Eur. J. Soc. Psychol.*, 46, pp. 44–62.
- van Stekelenburg J. (2013), 'The Political Psychology of Protest', *European Psychologist*, pp. 224–234. DOI: 10.1027/1016-9040/a000156
- van Stekelenburg, J., Klandermans, B. (2017) 'Individuals in Movements: A Social Psychology of Contention'. In Roggeband, C., Klandermans, B. (eds) *Handbook of Social Movements Across Disciplines. Handbooks of Sociology and Social Research*. Springer, Cham.
- Weitz-Shapiro, R., Winters, M. S. (2010) 'The Link between Voting and Life Satisfaction in Latin America', *Latin American Politics and Society*, 53 (4), pp. 101–126. DOI: 10.2139/ssrn.1702969
- Welzel, C., Inglehart, R. (2008) 'The Role of Ordinary People in Democratization', *European Journal of Political Research*, 6 (45).
- Welzel, C. (2013) *Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation*. New York: Cambridge University Press.
- Welzel, C., Deutsch, F. (2012) 'Emancipative Values and Non-Violent Protest: The Importance of 'Ecological' Effects', *British Journal of Political Science*, pp. 465–473.
- Witte, C. T. and Burger, M. J. and Ianchovichina, E. (2019). 'Subjective Well-Being and Peaceful Uprisings', *World Bank Policy Research Working Paper No. 8705*, Available at: <https://ssrn.com/abstract=3317211>
- Zavadskaya, M., Welzel, C. (2014) 'Subverting autocracy: emancipative mass values in competitive authoritarian regimes', *Democratization*, 22 (6), pp. 1105–1130.

Статья поступила в редакцию: 29.03.2024

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 31.05.2024

Статья принята к печати: 30.07.2024

SUBJECTIVE WELL-BEING AND VALUES AS PREDICTORS OF PROTEST PARTICIPATION IN REGIONS OF RUSSIA¹⁸

Iu. Moreva

Iuliia Moreva, research assistant, Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research, National Research University Higher School of Economics, PhD student, European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia. E-mail: yuli-more@hotmail.com (ORCID: 0000-0002-3005-6991).

Abstract. Political protest is an important indicator of political conflict in a society. Prior to the outbreak of the coronavirus pandemic, there was a worldwide trend of increasing protest activity. Russia was not left aside from the global trend. According to polls, the level of protest sentiment increased in 2019. Researchers, politicians and the entire global community was faced with the issue of protests as a widespread phenomenon, including the causes and factors that influence the increase in the number of protests. This paper studies the influence of such factors of protest participation as subjective well-being, values, and the level of economic development of the region. The database includes 11045 respondents from 36 regions of Russia. The survey was conducted in 2018. Using multilevel regression on the survey data, the author concludes that respondents with post-material values and those living in wealthier regions are more likely to participate in protests. Subjective well-being has no statistically significant correlation with participation in protests.

Keywords: political participation; protest participation; subjective well-being; happiness; life satisfaction; postmaterial values; value orientation; survival values; self-expression values.

¹⁸ The article/review was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University.